

О земле, о человеке

О новой книге Ивана Васильева «В краю истоков»

АВТОР ЭТОЙ КНИГИ в последние годы стал широко известен благодаря своим публицистическим выступлениям о проблемах русской деревни. Его обстоятельные, глубокие очерки-исследования регулярно появляются на страницах газеты «Советская Россия» и журнала «Наш современник», вызывая всеобщий интерес у массового читателя и острую, нередко до категоричных объяснений, полемику специалистов, районных, областных партийных и советских руководителей, которые в конце концов, объяснившись между собой, тоже приходят к признанию точки зрения писателя, его принципиальной позиции...

Но поводом для сегодняшнего разговора о творчестве Ивана Афанасьевича Васильева послужили не его публикации в периодических изданиях, а выход первой большой книги в центральном издательстве «Современник».

Иван Васильев пишет о деревне, ее людях с давних пор. Сначала как районный, областной газетчик, а потом по первой поре и как писатель (работу разъездного корреспондента областной газеты ему пришлось оставить несколько лет назад по состоянию здоровья, тяжелое фронтное наследие болезненно дает о себе знать) он трудился на день текущий, критиковал недостатки, объяснял отдельные местные проблемы, требующие немедленного разрешения...

Но с годами скапливался материал, который уже позволял охватить более пространственным, углубленным взглядом все, что происходило в деревне за последние десятилетия, и более внимательно, точно оценить тугие узлы, которые затянуло время. Требовались немалые затраты, а главное — «незашоренные» глаза и уши, способные увидеть и услышать деревенскую жизнь во всем ее многообразии, многоликом охвате.

И вот почти на рубеже своих шестидесяти лет И. Васильев выпускает книгу «В краю истоков», которая, несомненно, займет свое достойное место в отечественной литературе. Это книга не журналиста и не очеркиста, как считают некоторые литераторы, а книга писателя о жизни русской деревни, развивающая давние традиции С. Максимова, Г. Успенского, Ф. Панферова, В. Овечкина, Ф. Абрамова, Б. Можая.

Почему это необходимо подчеркнуть? Васильев действительно в отличие от многих писателей по-прежнему выступает в газете, выступает остро,

более того, мы, газетчики, сопровождающие его материалы на печатные страницы, видим, как он стремительно растет, набирают силу его перо и аргументы, точнее и осязаемое становится его слово, крупнее, значительнее он пишет о сельских людях и их проблемах.

Недавно я был у него дома: в Борках Великолукского района Псковской области. Это те самые Борки, о которых идет речь в его очерках «Вдоль и поперек» об одном сельском Совете. Дом его, самый обыкновенный, деревенский, стоит на краю Борков, и живет он той же жизнью, что все его население... А до Борков он жил в другой деревне... И учительствовал, и был директором Невельского детского дома (горя на своей жизни, дихотетия выдвигал-перевидывал). И всегда с людьми был в самых непосредственных отношениях, особенно в последние годы.

Если кого-то из них обидели, справедливость они ищут не только у властей местных, но и у писателя, ждут, как он рассудит, и совету его выслушают. «Все же он человек независимый, да и не молодой молодец, голова-то белая...» — рассуждают односельчане. А за ними идут и из соседних деревень гошцы, так что его жизнь в селе — это не отпуской или творческий наезд, — в ней свои прелести, но и свои тяготы, о которых Иван Афанасьевич в писаниях своих не раз проговаривался. А может, оттого и пишет он острее, убедительнее других. Он эту жизнь не подсматривает в краткие урывки от городского благополучия, а живет ею неотделимо от сельских жителей. Видно, пришло время, когда наездами-то всего не охватишь, впечатлений, может, и наберешься, а чтобы в обыденном жить во всей глубине и полноте открыть — вряд ли по плечу даже большому таланту.

Вот и думается мне, что сама жизнь выбрала Ивана Васильева, поселила на перекрестке сельских большаков и выдвинула его в свои вечные объяснители и толкователи. Ведь что такое обыденное — это чаще всего нравственное, то коренное, психологическое, что накапливается в повседневных отношениях и не поддается социологическим обсчетам и суммарным хозяйственным сводкам.

Директива, она, конечно, директивная, а что сами-то люди думают, чему отдают предпочтение, а что судят резко... Вот тут и возрастает роль писателя из сво-

их, его видение и его право на аргументированное мнение. Ему и особое доверие. Он уже от имени и рассуждает, и осуждает, и пользу выявляет, и человеческое, глубоко нравственное оценить может, и все со знанием жизни, не приблизительно-академическим, а точным, достоверным, во всех проявлениях выверенным...

ТАК ВОТ ЖИТИЕ-БЫТИЕ Васильева на краю села и дает ему силу, возможность как человеку думающему, человеку с добрым, щедрым сердцем и душой, отзывчивой и на радость, и на чужую беду, несчастья, и наделенному недюжинным талантом писателя творить во благо людей сельских, да и нам, городским, открывать глаза на многие проблемы, которые носят характер далеко не местный. Он знает бездну сельских людей по имени и отчеству, легко вступает в разговор, легко улавливает волнующую мысль, легко подталкивает к рассуждению, он в самом разговоре с крестьянином творит добро, помогает отыскать истину, правду, на которой стоит жизнь.

Именно знание жизни и талант писателя дали ему широту и глубину обобщения, видения, избавив от описания технологии, разного рода ненужных бытовых деталей, чем нередко грешат областные журналисты и писатели. Он в должной мере владеет сюжетом и, о какой бы сложной проблеме ни писал, всегда организует материал так, что выстраивается он и занимательно, и нравственно-тревожно, возбуждая наше беспокойство и наш, уже участливый интерес.

Ведь по-иному сегодня о деревне и нельзя писать. Она привлекает к себе внимание всех, в ней — опять! — наше будущее, наше благополучие и наше богатство. Она — краеугольный камень развития экономики страны и бытия государства... И не чужие плечи ее должны поднимать, а плечи тех, кто там живет и работает, плечи «коренных» жителей, как их метко называет писатель, поскольку «приезжие» никогда не создадут уклад жизни, уклад — дело коренных. А в укладе — весь корень проблем сегодняшней деревни.

И Васильев тут не откажешь в мудрости, он верно видит и по-крестьянски, и по-писательски многие утраченные стороны этого уклада, утраченные порой бездумно, без заботы о будущем. И как писатель он верно обозначает типажі разного рода сель-

ских людей: и тех, кто стоит плотной против течения жизни, замедляя его, дробя реку на ручейки; и тех, кто заостенел в бюрократизме, в бумагах-указаниях, оторвавшись от земли, от крестьянского уклада; и тех, кто обленился, получая тощую деньгу на сносное пропитание... Все это мертвое, заостенелое в жизни села описано И. Васильевым с убедительной достоверностью.

Только инициатива, самостоятельность, рачительная хозяйственность и повсеместная настоящая, рукотворная, а не бумажная забота о земле и урожае могут способствовать возрождению жизненно активного сельского уклада.

Тут Васильеву не занимать настойчивости. Он знает и любит истинно трудолюбивых крестьян, пишет о них участливо, защищает, когда бюрократы и лентяи несправедливо обрушиваются на подлинного работника. Ему, как и им, этим единоверцам по ухоженной земле, претят вялость, инертность жизни. Его принципиальное отношение крепко связано с глубоко партийной позицией, с его неиссякаемой верой в людей, в наше социалистическое дело.

Он — оптимист. Он «не вскрывает» недостатки. Только «вскрытие» мужики не оценят. Они верят в силу печатного слова, а стало быть, и ждут изменений. Он, как и они, больно переживает, если положение дел после публикации не меняется к лучшему... Оттого он неугомонен, и явление, казалось бы, выясненное, вновь рассматривает, уже с другой стороны, но с целью все той же: сдвинуть с места, обратить внимание, расширить поле приложения общественных сил. Он знает, что многие проблемы, о которых он пишет, не решаются в один день, иногда даже в один год, но тогда важно, чтобы к ним не пропало внимание, не угасло пламя, и надо терпеливо поддерживать общий интерес, а это требует изобретательности, к тому же немалой.

ХОРОШО, что эта книга его не ограничивается только социальной, нравственной сторонами жизни, в ней достаточно наблюдений и размышлений о природе — неотъемлемой части жизни каждого сельского жителя. Раздел этот автор так и назвал: «О земле, о деревне, о человеке». Приведу лишь несколько строк из новеллы «Светлые метели», чтобы вы могли ощутить, почувствовать его удивительную поэзию. «Пошло на вто-

рую половину марта, пора бы ручьям звенеть, а метут метели. Целый день с ровной, упругой силой дует ветер и сучит белую пряжу... К тому же на улице не стыло, не морозно, а по-весеннему тепло, и метель кажется веселой забавой природы. Застигнутый метелью путник шагает враспашку, шапка сбита на затылок, глаз не жмурит, на лице восторг — поет душа у человека! Метели принято считать ненастьем. А бывает, что и душу веселят».

Вот еще почему эту книгу Ивана Васильева, как и все, что он пишет и печатает в последние годы, я отношу к настоящей художественной прозе. В ней высокая мысль, высокая боль, высокая надежда мудро соединены с высокой жизненной правдой. В глубоко пережитом и выстраданном рождается истина писателя.

И можно только сожалеть, что литературная критика до сих пор никак не замечает прозы талантливого художника наших дней, обходя молчанием и его книги, и его значительные журнальные публикации, в том числе его блестящую повесть «Земля русская. В памяти живут люди», напечатанную в журнале «Наш современник» (№№ 1 и 12 за 1981 г.). Мы еще не так богаты на писателей-подвижников, которые столь цепко и естественно связаны с жизнью, ее истоками, чтобы не замечать их вклада в духовную сферу и не замечать того, что рождается в самом горниле бытия, в гуще крестьянской жизни.

А. ЛАРИОНОВ.